

Факты подтвердили: хотя русал Натаниэль на вид доверия не внушал, качество его товаров не вызывало сомнений. По крайней мере, рана на руке Деби день за днём шла на поправку, что заставляло Лебертина радоваться тому, что перламутровые монеты были потрачены не зря.

Но в этот день тревожное выражение лица Айвора, который в спешке приплыл к нему, разрушило хорошее настроение Лебертина:

— Рэй, старейшина хочет тебя видеть.

Лебертин слегка растерялся:

— Меня? Зачем это ему меня видеть?

Айвор выглядел крайне встревоженным:

— Я и сам не знаю, но поговаривают, будто старейшина узнал, что мы ходили в Запретную зону.

Услышав это, Лебертин недоверчиво хмыкнул:

— Едва ли. Если бы он узнал, то сразу бы и спросил, с чего бы ему заявляться только сейчас?

Айвор выглядел так, будто готов был упасть в обморок:

— Раньше я тебе не говорил, старейшины ведь не было здесь, он вернулся только вчера.

Лебертин всё ещё не верил:

— Разве никто не знал, что мы ходили в Запретную зону?

— Я тоже не уверен, по идее — нет. Айвор раздраженно шлепнул хвостом по дну. — Наверное, кто-то нас видел, а мы и не заметили, может, это Дэ...

Айвор не успел договорить, как Лебертин прервал его:

— Это не Деби. — С этими словами Лебертин поднялся на ноги, потянув Айвора за собой к выходу. — Хватит накручивать себя. Ты же ещё ничего толком не знаешь, мало ли какое у него дело, придём — и всё узнаем.

Но порой всё складывается именно так: стоит прийти неудаче, как и холодная вода на зубах застрянет. Чем сильнее чего-то не хочешь, тем непременно оно и случается.

Когда Айвор привёл Лебертина к старейшине, Лебертин ёкнул в душе, заметив у локтя старика павлинье-зелёную рыбу чешуйку.

Старейшина Час, обладавший суровым видом, бросил на Лебертина взгляд и мысленно фыркнул:

— Знаешь, что это?

Лебертин бросил косой взгляд на старейшину, который холодно взирал на него, и решил избрать тактику чистосердечного признания в обмен на снисхождение:

— Знаю.

Старейшина русалов посмотрел на то, как Лебертин опустил голову, изображая послушание, и на этот раз хмыкнул вслух:

— Ну так поведай, что это такое.

Лебертин честно ответил:

— Это моя чешуя.

Старейшина, который ожидал от Лебертина каких-нибудь шутеек и увиливаний, на мгновение растерялся от такой прямоты, но выражение его лица быстро вернулось к прежнему:

— Знаешь, где я её нашёл?

Лебертин теперь отвечал прямо и ничего не скрывал:

— Знаю, нашёл в Запретной зоне.

Эта решительность и прямота заставили Часа одарить Лебертина ещё парочкой взглядов. Он никак не мог взять в толк: стоило ему отлучиться, как этот известный на всю общину бунтарь вдруг переменялся в характере. Столкнувшись с очевидно неприятной ситуацией, он не стал отпираться, а взял и во всём сознался — неужели воды океана повернули вспять, а солнце взошло на западе?

Старейшина молчал, и Лебертин послушно хранил молчание.

Спустя мгновение Час слегка кашлянул, и тон его вновь стал суровым:

— Что ж, по крайней мере, ты не стал лгать, пытаешься прикрыть свою ошибку. Ты прекрасно знал, что в Запретную зону ходить запрещено, почему же ты всё-таки пошёл туда?

Лебертин понимал, что сейчас чем искреннее его тон, тем лучше, поэтому ответил, понурился головой:

— Просто ради забавы, ради острых ощущений.

— Ради забавы? Ради острых ощущений? — Гнев Часа, было утихший из-за покорности Лебертина, вспыхнул с новой силой. Он подплыл к Лебертину, меча глазами молнии, и повысил голос на октаву. — Почему с возрастом твоя способность к самоконтролю становится всё хуже? Разве Запретная зона — это место для развлечений и острых ощущений? Ты настолько ни во что не ставишь Запретную зону или тебе совсем плевать на собственную жизнь?

Лебертин опустил голову, признавая вину:

— Я знаю, что был неправ, мне не следовало вести себя так опрометчиво. Я пожалел об этом ещё на обратном пути. Простите меня, старейшина, впредь я никогда больше не буду так опрометчив.

Последовавшие за этим извинения вновь застряли у Часа в горле. Он поперхнулся, чувствуя, что перемены в Лебертине зашли слишком далеко. Старейшина опустил взгляд, пытаясь понять, не притворяется ли тот, лишь бы отделаться от него подобным покаянным видом, но как ни посмотри — Лебертин выглядел искреннее некуда, его раскаяние казалось абсолютно подлинным. Какое-то время Час даже сомневался, как ему поступить.

Поразмыслив немного, Час нашёл объяснение поступку Лебертина: судя по всему, прошлая вылазка в Запретную зону напугала его до смерти, оттого он теперь и ведёт себя так тихо. Взглянув на лежащую под рукой чешуйку, а затем скользнув взглядом по свежему ранению на теле Лебертина, Час в конце концов передумал устраивать нагоняй и лишь сурово произвёл:

— Вы, молодые русалы, вечно дожидаетесь сурового урока, прежде чем поймёте, что такое страх и дисциплина. К счастью, на этот раз обошлось без беды, но другого раза я не потерплю. Чтобы ты хорошенько запомнил этот урок, отправляйся в карцер на перевоспитание. Выйдешь через семь дней.

А? Услышав решение Часа, Лебертин поднял голову, ошеломлённый. С каких это пор пара фраз превратилась в административный арест? Он-то рассчитывал, что отделается лёгкой выволочкой, всё вышло совсем не так, как он предполагал.

Однако Час истолковал выражение лица Лебертина по-своему. В конце концов, для свободолюбивых русалов семь дней в карцере — наказание и впрямь довольно тяжёлое, поэтому старейшина смягчил тон и попытался вразумить его:

— Ты уже взрослый русал, неужели ты и дальше собираешься вечно слоняться туда-сюда? Воспользуйся этой возможностью и хорошенько подумай, каким путём тебе идти дальше.

И вот Лебертин против своей воли был отправлен в карцер, предназначенный для штрафованных русалов. По пути он заметил, как Рафла и Айвора с унылыми лицами тащили за уши домой их разгневанные отцы — похоже, их тайное предприятие тоже раскрылось.

Оставшись один в тишине, полумраке и окружении одних лишь голых рифов, Лебертин, наконец пришедший в себя после первоначального оцепенения, ощутил невыразимую

неловкость. В прошлой жизни он хоть и доставлял хлопоты, но всё же оставался законопослушным гражданином и никогда не переступал черту закона, так как же вышло, что не прошло и месяца здесь, как его приговорили к семи суткам административного ареста? Что это вообще за чёрт поberi такой!

Ладно, как бы сильно Лебертину ни хотелось возмущаться и как бы паршиво у него на душе ни скребли кошки, по крайней мере, сейчас ему предстояло смиренно отбывать срок в этой пустующей тюрьме, размышляя о будущем. А охраняющие снаружи русалы гарантировали, что никто не потревожит его уединение в течение этих семи дней.

Человек по-настоящему начинает ценить то, что имеет, лишь потеряв это. Вот и Лебертин уже спустя полдня отчётливо уразумел смысл фразы: ради свободы можно пожертвовать всем остальным. В огромном карцере он находился совершенно один, вокруг не было ни единой живой души, куда ни кинь взгляд — везде серые, унылые рифы. От созерцания этой картины на душе становилось только тоскливее. Если бы не звуки, которые он издавал намеренно, царила бы мёртвая тишина. Подобная обстановка приводила привыкшего к свободе и шумной компании Лебертина на грань безумия. Стоило ему вспомнить, что прошёл лишь первый день и впереди ждут еще шесть мучительных суток, как у него возникало желание совершить побег.

Сначала он пытался убить время, демонстрируя различные стили плавания: по-собачьи, кролем, баттерфляем и брассом. Устав плавать, передыхал и принимался петь: от поп-музыки до классики, от рока и кантри до детских и революционных песен. Выдохшись и с этим, он попытался докричаться до двух стражников, дежуривших далеко у входа. Но сколько он ни срывал голос, в ответ виднелись лишь кончики двух хвостов, которые даже не шелохнулись. На этом Лебертин окончательно отчаялся. Словно из него вынули все кости, он высунул руки за каменные решетки, прижался к ним головой и, уставившись в пустую точку, принялся всем существом ощущать неумолимый бег времени.

Сидеть в тюрьме, конечно, мучительно, но, к счастью, у русалов не было принято зверствовать, и по расписанию заключённому выдавали баланду — пару рыбин. Вот тут-то Лебертин оживлялся, поворачивая глаза в сторону принёсшего еду стражника в надежде переброситься словечком. К сожалению, тот даже смотреть на Лебертина не желал: оставлял еду и молча удалялся, отчего Лебертин снова кис.

То мечась по камере, то отдыхая, Лебертин в конце концов сам не заметил, как задремал. Когда его разбудил Деби, он ещё какое-то время приходил в себя, чуть было не забыв, что находится на исправительных работах.

Наконец окончательно проснувшись и увидев цепляющегося за решётку и тихонько зовущего его Деби, Лебертин изменился в лице, быстро подплыл к нему и бросил тревожный взгляд на пост стражи, после чего нервно спросил Деби:

— Ты как здесь очутился? Разве сюда пускают посетителей? Попадись ты на глаза страже, сам бы загремел сюда вместе со мной, что ли?

В отличие от нервозности Лебертина, Деби выглядел куда более расслабленным и отмахнулся:

— Сейчас ночь, стражники ушли, никто нас не обнаружит.

После слов Деби Лебертин обратил внимание на то, что круглый проход, который прежде стерегли те двое русалов, теперь почему-то загораживала каменная дверь, и рыбьих хвостов больше не было видно.

Заметив это, Лебертин с облегчением выдохнул, но тут же приподнял брови:

— Раз дверь закрыта, как ты вообще проник внутрь?

На лице Деби появилась самодовольная улыбка, и он указал куда-то в сторону:

— Проскользнул тайком вон оттуда. Спасибо, что худой, будь я чуточку толще — ни за что бы не пролез.

Глядя на лукавство и гордость, отразившиеся в чистых, словно вода, глазах Деби, Лебертин невольно улыбнулся:

— Ну ты даёшь, ловко придумано.

Увидев, что Лебертин улыбается, Деби тоже улыбнулся, а затем поспешил достать то, что принёс с собой:

— Ты ел что-нибудь? Я тут тебе рыбки принёс, проголодался небось?

Лебертин опешил, осознав, что Деби взял на себя труд тайком пробраться сюда только для того, чтобы принести ему поесть.

Заметив растерянное выражение лица Лебертина, Деби удивился и помахал рукой перед его глазами:

— Рэй, что с тобой?

Опомнившись, Лебертин взглянул на обеспокоенное лицо Деби, беззвучно усмехнулся и покачал головой:

— Ничего. — С этими словами он повернулся боком и указал на каменный столик, куда обычно ставили еду. — Я ел, не голоден. Это принесли те стражники, что дежурят снаружи.

— А... вот как. — Услышав, что Лебертин поел, и заметив на столике наполовину съеденную рыбину, Деби кивнул, но протянутую рыбу всё же не убрал. — Оставь и это на потом. Ночью стражи нет, а вдруг проголодаешься?

Лебертин, видя упорство Деби, покачал головой:

— Не нужно. Видишь, там ещё осталась еда? Я по вечерам ем немного, кажется, они приносят еду трижды в день, голодным точно не останусь, не переживай. — С этими словами он перевёл разговор на другую тему: — Кстати, как тебя вообще занесло сюда? Ты же по ночам из дома не выходишь.

Деби опустил взгляд на собственный плавно покачивающийся хвост и тихо промолвил:

— Я услышал, что старейшина запер тебя в карцере из-за того, что ты ходил в Запретную зону, и испугался за тебя. Вот и дождался ночи, когда стражники ушли, и пробрался сюда. — Тут Деби поднял голову и посмотрел на Лебертина с предельным серьёзным видом: — Это не я их предупредил, честно.

Встретившись взглядом с затаённым детским волнением в глазах Деби, Лебертин трогательно улыбнулся, протянул руку и ласково потрепал мягкие золотистые волосы мальчика:

— Конечно, я знаю, что не ты.

Однако слова уверенности Лебертина заставили Деби снова смущенно опустить голову:

— Почему ты так уверен?

Лебертин тихо рассмеялся:

— Да потому, что старейшина поймал меня из-за того, что нашёл мою чешую, которую я обронил в Запретной зоне во время схватки с рыбой-меч. — И когда Деби поднял на него глаза, Лебертин продолжил: — К тому же, даже если бы он поймал меня не из-за чешуи, я всё равно верил бы, что это не твоих рук дело. Я верю тебе: ты бы никогда так не поступил, верно?

Встретившись с исполненным доверия взглядом Лебертина, Деби почувствовал тепло в груди и усердно закивал:

— Угу, я бы ни за что так не поступил.

И хотя виноват был во всём он сам, Лебертин всё равно тронут этой безоговорочной верой. Такой Деби вызывал у него какое-то щемящее чувство. Протянув руку, Лебертин опустил её на плечо мальчика:

— К тому же, в этой истории был неправ именно я. Независимо от того, донёс кто-то или нет, я должен понести наказание за собственную глупость.

Неизвестно почему, но Лебертин снова заговорил об этом, и всё же Деби настойчиво повторил:

— Но я бы всё равно не стал ябедничать.

Столкнувшись с таким упрямством, Лебертин невольно почувствовал себя одновременно тронутым и в тупике.

<http://bllate.org/book/25555/3048513>